

Письмо депутата перваго призыва.

(Къ исторіи участія дворянскихъ депутатовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ).

Вутешествуя по Россіи лѣтомъ 1858 г., Государь Александръ 2-й обращался къ дворянству съ рѣчами по поводу предпринятаго имъ преобразованія въ быту помѣщичьихъ крестьянъ, и въ рѣчи тверскому дворянству; между прочимъ, сказалъ: „для присутствованія и общаго обсужденія въ Петербургѣ при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ Главномъ Комитетѣ я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ“. Это обѣщаніе Государя породило въ дворянствѣ мысль о созывѣ дворянской думы для разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Но передъ прибытіемъ въ Петербургъ избранныхъ губернскими комитетами членовъ отъ нихъ М. В. Дѣлъ Ланской въ августѣ 1859 г. представилъ Государю всеподданнѣйшую записку „Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса“ ¹⁾, въ которой, между прочимъ, такъ характеризовалъ умонастроеніе депутатовъ: „обращаясь къ предстоящему прибытію избранныхъ Губернскими Комитетами членовъ, я признаю священнымъ долгомъ выразить, что большинство ихъ принадлежитъ къ послѣдователямъ первыхъ двухъ изъ объясненныхъ въ настоящей запискѣ мнѣній ²⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый

¹⁾ Записка эта впервые была напечатана Н. С. Семеновымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г. № 7—8, стр. 1362—1375.

²⁾ Въ приводимой запискѣ три слѣдующія категоріи мнѣній: *первое* мнѣніе „тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными, матеріальными выгодами помѣщика. Сначала

изъ членовъ вдетъ съ намѣреніемъ поддержать и, если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники cadaго направления выразятъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, не согласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣла. Для спокойствія Государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженные въ разныхъ комитетахъ, не слились въ единомышленныя и необразовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, губельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено. Согласно Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія, избранные Комитетами члены вызываются для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть.

Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ: будто бы избранные Комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ. На запискѣ М. В. Д. Ланского Государь написалъ: *„нахожу взглядъ совершенно правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями“*¹⁾. Во исполненіе воли Государя была составлена инструкція депутатамъ, объявленная Государственнымъ Секретаремъ г.-ад. Ростовцеву

они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на Правительство, или на всѣ сословія Государства. Второе мнѣніе: „оно выдѣлилось изъ направленія личнаго, матеріальнаго интереса вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ.

Это направленіе сословнаго интереса. Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую земельную аристократію подобно англійской, и вмѣсто мынѣшней привилегированной дворянской собственности на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую, не менѣе привилегированную, на началахъ феодальныхъ... Настоящая цѣль, которой держались люди этого мнѣнія весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли. (Тамъ же, стр. 1370—1372).

¹⁾ *Семеновъ.* Освобожденіе крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Александра II, т. I, стр. 834.

11 августа 1859 г., въ которой опредѣленъ былъ образъ дѣйствій членовъ, избранныхъ Губернскими Комитетами, и роль ихъ ограничивалась примѣненіемъ общихъ началъ, указанныхъ по крестьянскому дѣлу рескриптами, программю и журналами Главнаго Комитета,—къ особенностямъ каждой губерніи ¹⁾).

Собравшіеся въ Петербургъ къ концу августа 1859 г. депутаты, въ числѣ 32 человекъ изъ 21 губерніи, по выслушаніи въ засѣданіи ред. ком. этой инструкціи, пришли въ крайнее недоумѣніе; они, какъ свидѣтельствуется рязанскій депутатъ А. Кошелевъ, спрашивали себя и другъ друга: къ кому составлена эта инструкція? какъ могла она попасть въ Государственную Канцелярію? Къ кому она была рассмотрѣна и поднесена на Высочайшее утвержденіе? Государь изволилъ говорить о депутатахъ, имѣющихъ прибыть въ Петербургъ для присутствованія и общаго обсужденія при рассмотрѣніи положеній въ Главномъ Комитетѣ, что же значить перемѣна, въ силу которой члены отъ комитетовъ обязаны только представить въ редакціонныя комиссіи мѣстные свѣдѣнія и объясненія по вопросамъ, которые возникли впоследствии при разработкѣ крестьянскаго дѣла? Что значить то, что, по полученіи отвѣтовъ на упомянутые вопросы, *предъявляются* членамъ труды комиссіи съ предложеніемъ новыхъ вопросовъ? Что значить, что члены обязаны представить *каждый по своей губерніи*, или члены одной губерніи за общимъ подписомъ, свои письменные отзывы? Съ какою цѣлью назначенъ для занятій депутатовъ срокъ, по краткости своей, не возможный? Почему не допущены оффиціальныя собранія депутатовъ? Наконецъ, что значить явное устраненіе прежняго ихъ названія: *депутаты*, и замѣна его другимъ: *члены, избранные Губернскими Комитетами*? Всѣ эти и многіе другіе къ нимъ прикосновенные вопросы сильно тревожили депутатовъ ²⁾).

Недовольные ролью, предоставленною въ данной депутатамъ инструкціи, они рѣшили представить на имя Государя адресъ съ жалобой на дѣйствія бюрократіи и редакц. комиссіи, и 29 августа 1859 г. представили, за подписью 29 членовъ, г.-ад. Ростовцеву письмо, въ которомъ просили: „повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Е. И. В. Всеподданнѣйшую просьбу о дозволеніи имъ имѣть общія совѣщанія въ такомъ порядкѣ, въ какомъ благоугодно будетъ указать Государю Императору, и о томъ, чтобы всѣ соображенія ихъ,

¹⁾ Инструкція эта „о занятіяхъ членовъ, избранныхъ Губернскими Комитетами для представленія Высшему Правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій“, (см. въ сборникѣ *Правит. распор. по устройству быта крестьянъ*, т. I. стр. 62—66 (изд. 2-е 1862 г.).

²⁾ А. Кошелевъ. Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу. Приложение (№ 6) къ его *Запискамъ*, стр. 172—173, Берлинъ 1884 г.

какъ по предъявленнымъ имъ вопросамъ, такъ и вообще по существу крестьянскаго положенія, поступили на судъ Высшаго Правительства¹⁾.

Предсѣдатель редакц. комиссія г.-ад. Ростовцевъ представилъ это письмо въ подлинникъ Государю 1-го сентября 1859 и 2-го сентября объявилъ депутатамъ Высочайшее повелѣніе, въ которомъ подтверждалось, чтобы „дальнѣйшія дѣйствія какъ предсѣдателя редакц. комиссій, такъ и членовъ Губернскихъ Комитетовъ, неуклонно основывались на инструкціи 11 августа 1859 г., т. е. члены Губернскихъ Комитетовъ, не касаясь общихъ началъ, должны ограничиться примѣненіемъ оныхъ къ своимъ мѣстностямъ, для чего они и были вызваны въ Петербургъ, и мнѣнія свои должны представить отдѣльно по каждой губерніи“.

При приѣмѣ депутатовъ 4 сентября 1859 г. Государь еще разъ указалъ имъ на ихъ обязанности: „для разъясненія обязанностей вашихъ я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разсѣялись. Я читалъ ваше письмо, представленное мнѣ Іаковымъ Ивановичемъ: отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что мнѣнія ваши мнѣ будутъ извѣстны: тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ редакціонной комиссія, войдутъ въ ея положеніе; всѣ остальные, хотя бы и не согласны съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ Главный Комитетъ и дойдутъ до меня“.

Мы будемъ слѣдить за дѣятельностью депутатовъ перваго призыва и ихъ отношеніемъ къ редакціоннымъ комиссіямъ²⁾, и для нашей цѣли достаточно указать, что они, по исполненіи своихъ обязанностей, остались неудовлетворенными какъ приѣмомъ ихъ, такъ и тѣмъ положеніемъ, въ которое они поставлены были относительно ихъ дѣятельности. А. И. Кошелевъ по этому поводу говорить: „Занятія депутатовъ приходили къ концу; Императора ждали въ Царское Село изъ его путешествія сперва къ 15, а потомъ къ 17 октября 1859 г. Депутаты видѣли, что ими исписаны кнпы бумагъ

¹⁾ Письмо это напечатано у Семенова: *Освобожденіе крестьянъ въ Россіи*, т. I, стр. 835—836, и „въ Матеріалахъ для упразд. крѣп. состоянія въ Россіи“ Берлинъ, т. 2, стр. 127—130.—Подчеркнутыя слова письма вызвали слѣдующую отмѣтку Государя Александра II: „не должно быть допускаемо“. (См. т. 116 л. 193) „доклады и переписка, поступившіе отъ Ростовцева и гр. Панина по дѣламъ редакц. комиссій (въ архивѣ Государств. Совѣта).

²⁾ Дѣятельность депутатовъ 1-го призыва довольно полно изложена А. Кошелевымъ въ его брошюрѣ „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу“ Лейпцигъ, 1860 г. (См. VI приложение къ его *Запискамъ Берлинъ*, 1884 г. стр. 171—209), и Н. Семеновымъ: „Вызовъ и приѣмъ депутатовъ перваго приглашенія по крестьянскому дѣлу“ „Русск. Вѣстникъ“, 1868 № 11, стр. 33—87.

(2.000 листовъ); они полагали, что ихъ собранія второго призыва, вѣроятно, столько же изведутъ чернилъ и бумаги, и что поэтому нѣтъ возможности членамъ, какъ Главнаго Комитета, такъ и Государственнаго Совѣта прочесть замѣчанія и соображенія депутатовъ. Вслѣдствіе сего они рѣшились подать Императору адресъ со Всеподданнѣйшей просьбой дозволить имъ вновь собраться и рассмотреть окончательные труды редакц. комиссіи ¹⁾. Были составлены адреса, подписанные 18 депутатами, 5-ю и 1-мъ, и представлены Государю, передавшему ихъ для обсужденія въ Главный Комитетъ въ своемъ присутствіи. Главный Комитетъ постановилъ подвергнуть подписавшихъ адреса административнымъ внушеніямъ и взысканіямъ, съ отдачею нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Но депутаты перваго призыва не считали свои притязанія окончательно проигранными и возлагали надежду на депутатовъ второго призыва „авось они исправятъ ошибки своихъ предшественниковъ“. Взывая къ единогласію этихъ депутатовъ, А. И. Кошелевъ указывалъ, что „для нихъ настаетъ крайняя надобность въ томъ, чтобы, отложивъ въ сторону всѣ личныя воззрѣнія и даже мѣстныя хозяйственныя соображенія, они соединили всѣ свои усилія къ опроверженію однихъ главныхъ началъ, принятыхъ редакц. ком., началъ, долженствующихъ почти уничтожить значеніе землевладѣльцевъ, породить борьбу между ними и земледѣльцами, содѣлать необходимыми частыя вмѣшательства власти въ дѣла сельскія, и тѣмъ еще усилить въ Россіи ненавистную для всѣхъ бюрократію“.

„Письмо депутата перваго призыва“, пущенное въ январѣ 1860 г. изъ Москвы, служить развитіемъ приведенныхъ мыслей А. Кошелева и, не безъ основанія, приписывается Д. П. Хрущовымъ его перу ²⁾. Письмо это мы нашли въ бумагахъ гр. Панина съ резолюціею на немъ Государя Александра II-го: „по прочтеніи послать гр. Панину“ и съ отмѣтками Государя противъ нѣкоторыхъ мѣстъ письма, которыя мы здѣсь воспроизвели, приводя текстъ самаго письма по указанному первоисточнику ³⁾.

Алексѣй Попельницкій.

¹⁾ А. Кошелевъ, названное соч., стр. 181—182.

²⁾ Оно было впервые напечатано Хрущовымъ въ „*Матеріалахъ для исторіи упраздненія крепостного состоянія въ Россіи*“ Берлинъ, т. II, стр. 397—426, но съ не совсѣмъ исправнаго списка и безъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ Государемъ Александромъ II при чтеніи его.

³⁾ См. т. 118: дѣла редакц. ком., переписка гр. Панина по крестьянскому дѣлу, лл. 24—59 (въ архивѣ Госуд. Сов.).

Письмо депутата перваго призыва.

(Съ отмѣтками Императора Александра II-го).

„Вы спрашиваете меня: что вамъ дѣлать въ Петербургѣ? Коротко могъ бы я вамъ отвѣчать: не дѣлайте вновь того, что мы тамъ уже сдѣлали; старайтесь сдѣлать то, чего мы не могли или не успѣли сдѣлать; и пуще всего будьте единодушны. Но, вѣроятно, такимъ отвѣтомъ вы не удовлетворитесь; а потому, предупреждая дальнѣйшіе ваши вопросы, я позволяю себѣ высказать, и яснѣе и обстоятельнѣе, мое по сему предмету мнѣніе.

„Мы пріѣхали въ Петербургъ какъ въ лѣсъ: мы не знали ни нашихъ правъ и обязанностей, ни отношеній, въ какія мы будемъ поставлены къ редакціонной комиссіи по крестьянскому дѣлу, а равно и къ высшему правительству. Инструкція, намъ объявленная въ тотъ самый день, когда насъ въ первый разъ пригласили въ редакціонную комиссію, поразила насъ, какъ поражаетъ человека самая неожиданная гроза среди яснаго лѣтняго дня. Депутаты смутились. Они другъ друга не знали; по крайне разнорѣчивымъ проектамъ, поданнымъ отъ губерній и отъ большинства и меньшинства одного и того же губернскаго комитета, они имѣли мало надежды сойтись въ мнѣніяхъ и внушать другъ другу благорасположеніе и довѣріе; къ тому же предположенія редакціонной комиссіи были депутатамъ еще мало извѣстны, ибо самые важные доклады отдѣленій были къ нимъ доставлены только въ первыхъ числахъ сентября, т. е. спустя одну или двѣ недѣли послѣ объявленія имъ упомянутой инструкціи. А потому дни, слѣдовавшіе за упомянутымъ засѣданіемъ комиссіи, прошли для депутатовъ въ взаимныхъ рекомендаціяхъ, визитахъ, разговорахъ, собраніяхъ, преніяхъ и проч. Первымъ результатомъ общаго совѣщанія депутатовъ было письмо къ Я. И. Ростовцову съ всеподданнѣйшею просьбою о дозволеніи имъ имѣть официальные засѣданія. Полученный на это письмо отвѣтъ вамъ извѣстенъ. Скрѣпя сердце, мы начали собираться частно, сперва всѣ вмѣстѣ, а потомъ по группамъ. Самыя разнорѣчивыя мнѣнія высказывались въ нашихъ бесѣдахъ. Конечно всѣ были недовольны предположеніями редакціонной комиссіи; но самое это неудовольствіе было еще неопредѣленно, высказывалось въ общихъ словахъ, и не проникло вглубь депутатскихъ убѣжденій, ибо еще никто не успѣлъ прочесть всѣхъ трудовъ этой комиссіи, а тѣмъ менѣе обнять ихъ цѣлости и сдѣлать изъ нихъ надлежащіе выводы. Большинство депутатовъ было за освобожденіе крестьянъ съ землею; но нѣ-

которые изъ нихъ стояли за то, чтобъ вся земля осталась собственностью помѣщиковъ, и чтобъ крестьянамъ дана была одна полная личная свобода. Многіе были за выкупъ обязательный крестьянскихъ земель, другіе предпочитали ему выкупъ добровольный; были также депутаты, которые отвергали всякій выкупъ.

Кромѣ этихъ главныхъ разногласій, были еще многія другія: одни депутаты соглашались на утвержденіе за крестьянами существующаго поземельнаго надѣла въ границахъ разумныхъ maximum'a и minimum'a; многіе защищали нормальные надѣлы, одни допускали нормы, достаточно обезпечивающія быть крестьянъ; другіе нужду крестьянъ въ землѣ, а помѣщиковъ—въ рабочихъ, считали лучшимъ обезпеченіемъ взаимнаго согласія между обоими сельскими сословіями. Эти разногласія были естественны, неизбежны, они происходили какъ отъ крайняго разнообразія мѣстныхъ интересовъ губерній, коихъ представителями были депутаты, такъ и отъ недостаточной зрѣлости понятій въ Россіи по крестьянскому дѣлу, подвергнутому общественному обсужденію только въ послѣдніе двадцать мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, официальность съ своими обязательными формами не пришла къ депутатамъ на помощь для водворенія между ними хотя фактическаго единства; негодованіе же противъ редакціонной комиссіи, хотя было уже значительно, но оно еще не достигло той силы и глубины, которыя могли бы положить конецъ депутатскимъ разногласіямъ. При такихъ обстоятельствахъ и при крайне краткомъ срокѣ, назначенномъ для занятій депутатовъ, они спѣшно принялись за дѣло, спѣшно разсматривали предположенія комиссіи, спѣшно излагали на бумагѣ свои замѣчанія и тотчасъ представляли ихъ предсѣдателю редакціонныхъ комиссій. Депутаты перваго призыва должны были разсматривать предположенія комиссіи непременно во всѣхъ ихъ подробностяхъ, потому что въ нихъ особенно обсуждалась неудобноисполнимость заключеній комиссіи и явная ея несправедливость къ помѣщикамъ. Сверхъ того, не изучивши положеній комиссіи даже въ мелочахъ, трудно было вначалѣ вѣрно оцѣнить достоинство самыхъ основныхъ началъ, комиссіею принятыхъ, и вывести изъ нихъ надлежащія заключенія. На это изученіе мы потратили и не могли не потратить много времени, но за то, въ концѣ нашихъ занятій, мы были насквозь проникнуты убѣжденіемъ, что предположенія редакціонной комиссіи, въ настоящемъ ихъ видѣ, рѣшительно непримѣнимы къ дѣлу, и введеніе ихъ было бы истиннымъ бѣдствіемъ для Россіи. Нѣкоторые изъ насъ изложили это глубокое свое убѣжденіе въ заключительныхъ словахъ, поданныхъ уже послѣ срока, но большинство, къ сожалѣнію, ограничи-

лось частными замѣтками на журналы комиссіи и доклады отдѣленій; и за минованіемъ срока, не представило своихъ общихъ выводовъ.

„Депутаты перваго призыва сдѣлали, думаю, не мало, ибо они разобрали труды редакціонной комиссіи во всѣхъ ихъ подробностяхъ и тѣмъ потрясли ея предположенія въ основаніяхъ, но эта именно работа и не дозволила имъ соединиться и напасть дружно, рѣшительно и, такъ сказать, одноударно, на главныя начала, положенныя комиссіею въ основу своихъ заключеній. Именно, эта задача предлежитъ вамъ. Дурно сдѣлаете вы, если захотите опять преслѣдовать редакціонную комиссію въ подробностяхъ ея предположеній и опровергать ихъ одно послѣ другого. Тутъ новаго, скажете вы, не много, а повторять старое не только бесполезно, но даже вредно; ибо чрезъ то вы лишите себя возможности исполнить свое настоящее дѣло. Мы вамъ проложили дорогу; вы уже знаете свои права и обязанности по званію членовъ отъ комитетовъ; вамъ также извѣстно, чего вы можете ожидать отъ редакціонной комиссіи; не хлопчите о томъ, чтобы въ этихъ отношеніяхъ измѣнить то, или другое. Вы потеряете на это много времени, а успѣхъ, если бы онъ и увѣнчалъ ваши усилія, не вознаградитъ васъ за эту утрату. Примите лучше съ покорностью то положеніе, которое создала для депутатовъ знаменитая инструкція, а въ частныхъ совѣщаніяхъ старайтесь дойти до единодушія; это важнѣе всего и это для васъ несравненно возможнѣе, чѣмъ то было для насъ.

Не развлекайтесь вправо или влѣво, тѣмъ или другимъ; не стойте упорно за свои личныя убѣжденія; пренебрегите даже мѣстными интересами; теперь не до тѣхъ и не до другихъ; вы обязаны направить, сосредоточить свои удары на нѣсколько главныхъ, самыхъ существенныхъ положеній, на которыхъ покоится все зданіе, воздвигнутое редакціонною комиссіею; если вамъ удастся ихъ устранить, то отдѣльныя части сами разлетятся впрахъ. Но крайне важно ударить мѣтко на тѣ главныя положенія редакціонной комиссіи, которыя грозятъ Россіи усложненіемъ отношеній между землевладѣльцами и земледѣльцами, возбужденіемъ между ними борьбы, еще большимъ усиленіемъ власти чиновниковъ и окончательнымъ уничтоженіемъ самостоятельности народа и значенія дворянства.

„Какія, спросите вы, главныя положенія, принятыя редакціонною комиссіею, должны считаться самыми вредными, а потому преимущественно предъ прочими, подлежащими опроверженію и устраненію. Постараюсь вкратцѣ вамъ ихъ указать.

„Первое, основное, самое противузаконное, и для всѣхъ крайне невыгодное положеніе, принятое редакціонною комиссіею, есть

„Это уже „отдача помѣщичьихъ земель крестьянамъ въ безсрочное пользо-
измѣнено“. ваніе за неизмѣнныя повинности. Мы опровергли всѣ представ-
ленные комиссіею доводы въ пользу законности, справедливости
и выгодъ предполагаемой мѣры, и доказали, что одинъ выкупъ
приводить въ исполненіе благія намѣренія Государя Императора
на счетъ упроченія осѣдлости за крестьянами, не нарушая при
томъ правъ собственности и доставляя собственникамъ то возна-
гражденіе, на которое по законамъ они имѣютъ право. Возобнов-
лять пренія по этому предмету бесполезно; сама редакціонная ко-
миссія признала незаконность принятаго ею положенія и, при
словесныхъ нашихъ преніяхъ въ ея засѣданіяхъ, она въ оправ-
даніе свое ссылалась какъ на государственную необходимость этой
мѣры, такъ и на то, что въ журналѣ своемъ № 38 она почти до-
пустила обязательный выкупъ. Вы можете это признать за вещь
доказанную, и прямо, настоятельно и единодушно требовать выкупа.
Но берегитесь, не повторите представленія, нами даннаго въ уве-
селеніе редакціонной комиссіи: иные изъ насъ вовсе отвергали
выкупъ, другіе соглашались на одинъ выкупъ добровольный и
только остальные, правда, самые многочисленныя, стояли за выкупъ
обязательный. При такомъ нашемъ разногласіи, редакціонная ком-
миссія по сему важному вопросу была насъ оружіями, которыя мы
ей сами на себя доставляли, и въ довершеніе предсѣдатель объя-
вилъ намъ, что Государь Императоръ никогда не рѣшится нару-
шить правъ собственности *установленіемъ обязательнаго выкупа*
безъ положительнаго и общаго на то согласія дворянства.

„Совершен-
но справед-
ливо“.

Неужель теперь вы не скажете по этому предмету слова едино-
душнаго? Можно было стоять и за невыкупъ, и за выкупъ добро-
вольный, пока освобожденіе крестьянъ было дѣломъ келейнымъ
и не вполне уясненнымъ, но теперь, послѣ разработки этого во-
проса въ редакціонной комиссіи, въ явный ущербъ дворянства,
послѣ выпуска ея трудовъ въ количествѣ болѣе 3/т. экземпляровъ,
и послѣ предположенія для барщины правилъ невозможныхъ, а для
оброка начала его неизмѣнности, теперь одинъ исходъ изъ затруд-
неній, представляемыхъ освобожденіемъ крестьянъ съ землею, есть
выкупъ и при томъ не иной какой, а просто обязательный. Вы-
купъ добровольный есть или несбыточная мечта благодущія, или
замаскированное личное безземельное освобожденіе крестьянъ.
Теперь тѣшить себя надеждою, что въ Россіи можно освободить
крестьянъ безъ земли не позволительно, скажу болѣе—преступно.
Еще можно было прежде увлекаться подобными фантазіями: многіе
вовсе не знали, что такое русскій крестьянинъ; многіе думали, что
его также легко пожаловать въ бездомники, какъ эстонца или ли-

„Т. е. са-
мая край-
няя неспра-
ведливость“.

ванца; сверхъ того, къ появленію этой остзейской рыцарской или англійской аристократической мысли могло способствовать то обстоятельство, что слова „освобожденіе, уничтоженіе крестьянской зависимости, надѣленіе крестьянъ землею въ безсрочное пользованіе, неизмѣнность повинностей и проч.“ почти вовсе и никѣмъ не произносились у насъ въ Россіи, и что смыслъ ихъ извѣстенъ былъ народу только въ силу однихъ желаній, хотя и горячихъ, но довольно неясныхъ. Теперь дѣло совершенно иное: съ высоты престола высказана благая, глубокоистинная мысль, что крестьянинъ долженъ быть освобожденъ съ землею, многіе изъ дворянъ горячо взялись за распространеніе и утвержденіе этой великой истины; губернскіе комитеты почти всѣ на ней основали свои проекты; редакціонная коммиссія развила ее до послѣднихъ крайностей. Неужель теперь еще можно быть за освобожденіе крестьянъ безъ земли? Нѣтъ! Теперь можно и должно хлопотать лишь объ одномъ: сохранить за крестьянами всѣ выгоды, предоставляемыя имъ редакціонною коммиссіею; сверхъ того, наградить ихъ новыми выгодами, истекающими изъ выкупа; но все это произвести не на счетъ помѣщиковъ, не съ отягощеніемъ крестьянъ, а посредствомъ государственнаго кредита, который въ свою очередь отъ того не только не долженъ пострадать, а напротивъ того имѣетъ подняться и укрѣпиться. Въ этомъ заключается единственное средство противодѣйствовать гибельной теоріи редакціонной коммиссіи объ отдачѣ земли крестьянамъ въ безсрочное пользованіе за неизмѣнныя повинности. Теперь возможенъ выборъ только между двумя путями: одинъ предполагается редакціонною коммиссіею, но на немъ встрѣтятся запутанныя многосложныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, борьба между этими сословіями, великія затрудненія помѣщиковъ по устройству вольнонаемныхъ хозяйствъ, нерадостный для крестьянъ вѣчный чиншъ безъ отдѣленія изъ него части на постепенное приобрѣтеніе земли (въ собственность и проч. Другой путь есть выкупъ; онъ долженъ намъ доставить вознагражденіе за то, что мы уступаемъ, устроить простыя и положительныя отношенія земледѣльцевъ къ людямъ, вполне свободнымъ, окончательно разрѣшить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и проч. Не могу думать, чтобы изъ васъ кто-либо сталъ колебаться въ избраніи послѣдняго пути. Теоріи о вѣчномъ чиншѣ, о вотчинныхъ правахъ и проч. должны быть рѣшительно сданы въ архивъ и не путать болѣе нашихъ понятій при толкахъ о крестьянскомъ вопросѣ. Многія губерніи еще прежде объявили себя за выкупъ обязательный; теперь другія губерніи подаютъ въ пользу его свои голоса. Вамъ предлежитъ единодушно и настойчиво просить о выкупѣ обя-

„Это легко сказать, но выполнить не возможно“.

вательномъ; всякое ваше разногласіе по этому дѣлу будетъ проступкомъ предъ Россіею настоящею и будущею, и вы за него отвѣтите тяжче, чѣмъ мы, ибо вы пришли послѣ насъ и не можете оправдываться тѣми обстоятельствами, которыя въ семъ отношеніи нѣсколько уменьшаютъ нашу вину. Финансовыя трудности по осуществленію выкупа не могутъ служить достаточными причинами къ его устраненію и даже къ его замедленію. Россія сильна и богата, слѣдовательно, онъ возможенъ. Непринсканіе средствъ къ его осуществленію доказываетъ лишь одно неумѣніе орудовать финансовыми средствами Россіи. Рѣшитесь обратиться къ августѣйшему обновителю Россіи съ всеподданиѣйшею просьбою о призваніи въ финансовый комитетъ представителей земледѣльческихъ и торговыхъ интересовъ, и они, конечно, найдутъ для достиженія желаемой цѣли средства простыя и прямыя; словомъ, такія, которыя и никогда не придутъ въ голову бюрократовъ, знающихъ не Россію, а свои бумаги, умѣющихъ орудовать не живыми силами, а однѣми мертвыми формами, и имѣющихъ въ виду не общее благо, а казенный интересъ въ самомъ ограниченномъ его смыслѣ, т. е. ущербъ для казны, но выгоды для себя.

„Второе весьма важное, предположеніе, противъ котораго необходимо вамъ дружно возстать, есть огромный¹⁾, допущенный редакціонною комиссіею между высшими и низшими крестьянскими надѣлами. Отсюда вышли произвольные, а по нѣкоторымъ мѣстностямъ и ни съ чѣмъ не сообразные *maximum*'ы. Мы рѣзко и единодушно возстали противъ этого предположенія редакціонной комиссіи, доказывая, что оно несогласно съ требованіемъ Высочайшихъ рескриптовъ, противно единогласному желанію всѣхъ губернскихъ комитетовъ и содержитъ въ себѣ, съ одной стороны, нарушеніе правъ собственности, не вынужденное никакою государственною необходимостью, а съ другой стороны, не обезпеченіе значительнаго количества крестьянъ поземельнымъ надѣломъ. Но, къ сожалѣнію, мы сами ослабили дѣйствіе нашихъ доводовъ и усилій; согласные между собою въ опроверженіи правилъ, по сему предмету принятыхъ редакціонною комиссіею, мы вполнѣ разошлись въ томъ, чѣмъ ихъ слѣдовало замѣнить. Одни признавали необходимость утвержденія за крестьянами существующаго поземельнаго надѣла въ границахъ разумныхъ *maximum*'а и *minimum*'а; другіе потребовали для крестьянъ нормальныхъ надѣловъ, достаточныхъ для обезпеченія крестьянскаго существованія, многіе же сокращали мірскія земли до того, что давали крестьянамъ земли какъ будто только на образчикъ. Такое наше разногласіе было весьма отрадно и забавно для редакціонной комиссіи, и она опровергала доводы

¹⁾ Въ текстъ пропущено слово.

депутатовъ, по сему предмету, одной губерніи доказательствами и мнѣніями депутатовъ смежной губерніи. Будьте увѣрены, что теперь *менѣе чѣмъ когда-либо, возможно отступить отъ начала существующаго надѣла.* Всегда въ пользу его было много доводовъ: и удобства по опредѣленію величины надѣловъ и по размежеванію, и то, что крестьяне безусловно стоятъ за сохраненіе въ своемъ владѣніи тѣхъ земель, которыми они нынѣ пользуются; но теперь, сверхъ того, есть обстоятельство, крайне важное, которое окончательно говоритъ за существующій надѣлъ: это начало, т. е. начало существующаго надѣла, положительно провозглашено редакціонною комиссіею, сильно поддерживается нѣкоторыми изъ помѣщиковъ и составляетъ задушевное желаніе крестьянъ; какъ же ихъ лишить благъ, которыя оно имъ обѣщаетъ? Прежде это было опасно; теперь это совершенно невозможно. Редакціонная комиссія составила произвольныя выписки изъ недостаточныхъ, губернскими комитетами доставленныхъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ; изъ этого вышли по многимъ губерніямъ и уѣздамъ странныя, ни съ чѣмъ несообразныя высшіе надѣлы. Депутаты противопоставили имъ свои произвольныя, не менѣе странныя по крайней малости, высшіе надѣлы. Слѣдуетъ депутатамъ или сойтись всѣмъ на счетъ назначенія высшихъ надѣловъ, хотя умѣренныхъ, но вполнѣ достаточныхъ, что почти невозможно, или—что удобнѣе и разумнѣе,—единодушно сказать, что отсюда, изъ Петербурга, нѣтъ возможности справедливо назначить, по губерніямъ или по уѣздамъ, высшіе надѣлы, что они могутъ быть выведены только по естественнымъ, однороднымъ мѣстностямъ, только на самыхъ мѣстахъ, и при томъ изъ болѣе точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ; что доставленныя свѣдѣнія изъ губернскихъ комитетовъ по многимъ уѣздамъ относятся менѣе чѣмъ къ половинѣ имѣній, что почти всѣ они неполны и невѣрны, что для произведенія этой повѣрки и для вывода новыхъ цифръ потребуется не болѣе трехъ мѣсяцевъ; и что, слѣдовательно, чрезъ то дѣло освобожденія крестьянъ вовсе не затянется, а между тѣмъ выводы будутъ вѣрны и безобидны какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. На этой повѣркѣ свѣдѣній и на производствѣ упомянутыхъ выводовъ на мѣстахъ подъ контролемъ начальниковъ губерній и главнымъ наблюденіемъ высшаго правительства, необходимо вамъ настаивать; иначе совершатся великія несправедливости въ ущербъ или помѣщиковъ или крестьянъ.

„Съ этимъ и я согласенъ“.

„Это можетъ быть и справедливо“.

„Въ третьихъ, необходимо вамъ возстать, соединенными силами, противъ безусловно мелочно-опредѣлительныхъ правилъ, устанавливаемыхъ редакціонною комиссіею, въ разрѣшеніе затрудненій,

имѣющихъ возникнуть при освобожденіи крестьянъ,—однимъ словомъ, противъ регламентаризма редакціонной комиссіи. Конечно, она менѣе одержима этимъ недугомъ, чѣмъ другіе комитеты, комиссіи, отдѣленія министерства и департаменты, доселѣ подготавливавшіе законодательныя мѣры, но и она далеко не свободна отъ вліянія петербургскаго сосѣдственнаго съ Германіею воздуха. Такъ она считаетъ возможнымъ въ Петербургѣ положительно сказать, какія земли должны оставаться у крестьянъ, какое соотношеніе между пахатными, луговыми и другими угодіями имѣеть соблюдаться при разграниченіи земель помѣщичьихъ и крестьянскихъ, и какими правилами слѣдуетъ руководствоваться при допущеніи необходимыхъ въ семъ случаѣ поземельныхъ обмѣновъ. Очевидно, что тутъ желаніе оградить крестьянъ отъ могущихъ быть при размежеваніи злоупотребленій заставило комиссію упустить изъ виду то страшное зло, которое сопряжено съ черезполосицею, для государства, для помѣщиковъ и для самыхъ крестьянъ. Редакціонная комиссіа также воображаетъ, что съ береговъ Невы посредствомъ градацій и другихъ хитрыхъ вымысловъ можно для всей Россіи установить справедливыя для крестьянъ и безобидныя для помѣщиковъ повинности за земли, уступаемыя первымъ. Тутъ опять очевидно, что редакціонная комиссіа, какъ бы забывая то чрезвычайное разнообразіе почвъ, мѣстныхъ удобствъ, густоты населенія и проч., которое существуетъ не только въ Россіи вообще, но почти въ каждомъ уѣздѣ, думаетъ, что разными комбинаціями цифръ отъ 3 до $12\frac{1}{2}$ десятиныхъ можно все опредѣлить и уравновѣсить ко благу крестьянъ и помѣщиковъ. Не буду приводить болѣе примѣровъ регламентаризма редакціонной комиссіи; но укажу на корни этой болѣзни. Изъ нихъ бросаются въ глаза два главные: во 1-хъ, опасеніе злоупотребленій, какъ будто, неизбежныхъ при добровольныхъ соглашеніяхъ, и во 2-хъ, мысль, что а ргіогі и изъ за тридцати земель можно предвидѣть всѣ разнообразныя случаи, представляемые сельскимъ бытомъ (самымъ своеобразнымъ изъ всѣхъ родовъ жизни, ибо онъ истекаетъ изъ условій каждой мѣстности) и при томъ въ государствѣ самомъ пространномъ и разнообразившемъ, какое только существуетъ, и что даже можно на всѣ эти случаи установить правила. На счетъ перваго, т. е. опасенія злоупотребленій при добровольныхъ соглашеніяхъ, думаю, что теперь оно не совсѣмъ основательно: сельскій міръ (а не отдѣльные крестьяне) былъ всегда довольно самостоятеленъ, а помѣщики, во избѣжаніе съ его стороны несогласій и настоятельныхъ просьбъ, избѣгали его сбора и предпочитали имѣть дѣло съ лицами крестьянскаго общества; нынѣ же послѣ двухлѣтнихъ толковъ о

свободѣ, міръ еще болѣе возмужалъ; а чрезъ годъ, по объявленіи личной свободы крестьянъ, можно безъ всякой боязни допустить добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, и необходимо только опредѣлить главныя начала, на которыхъ эти соглашенія должны быть основаны, и устроить то учрежденіе, которое, въ случаѣ, если таковыя не состоятся, должно рѣшить разнословія между заинтересованными сторонами. Что касается до второго источника регламентаризма, т. е. до вѣры въ возможность заранѣе и не на мѣстѣ разрѣшить общими правилами разнообразныя случаи, представляемые сельскою жизнью, то это показываетъ лишь то, что коммиссія мало знаетъ сельскую жизнь. Тысяча разныхъ обстоятельствъ ее видоизмѣняютъ; количество надѣла, качество почвы, близость или отдаленность селеній отъ сбыта произведеній или средоточія промысловъ, густота или рѣдкость населеній, степень богатства или бѣдности края вообще и проч. и проч., все имѣетъ прямое вліяніе на жизнь крестьянъ. Въ одномъ и томъ же уѣздѣ, одно и то же количество земли можетъ быть достаточнымъ и недостаточнымъ; однѣ и тѣ же повинности могутъ быть для нихъ тяжелыми и легкими, одни и тѣ же способы отправления повинностей—удобными и невозможными, а потому для успѣшнаго окончанія принятаго преобразованія, имѣющаго умиротворить сельскій бытъ, необходимо дать ему правильное устройство, сплотить и оживить его, необходимо правительству дать правила не только самыя справедливыя, но и достаточно широкія, а все остальное предоставить на добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, подъ контролемъ мѣстной власти и подъ главнымъ наблюденіемъ высшаго правительства.

Редакціонная коммиссія, подъ вліяніемъ петербургскаго бюрократизма, полагаетъ, что чернила, перья и бумага суть надежнѣйшія орудія законодательства и управленія. Вамъ слѣдуетъ всячески убѣждать правительство, что съ нашимъ народомъ одинъ надежный способъ дѣйствія есть живое, прямое личное съ нимъ обращеніе и *что добровольныя соглашенія одни въ состояніи привести къ желаемой цѣли.* вмѣстѣ съ этимъ вы должны единодушно, твердо и торжественно удостовѣрить правительство, что дворянство, понимая свое новое великое назначеніе стать въ главѣ сельскаго населенія, готово доказать на дѣлѣ, что оно не отдѣляетъ интересовъ крестьянъ отъ своихъ собственныхъ, и что оно убѣждено, что только на взаимномъ добромъ согласіи землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, и на основаніяхъ для всѣхъ равно справедливыхъ можетъ быть разрѣшенъ нынѣшній вопросъ ко благу самаго дворянства.

„Какъ же онъ хочетъ съ этимъ соединить обязательный выкупъ?“

„Дай Богъ, чтобы оно было такъ!“

„Четвертый предметъ, на который долгомъ считаю обратить

ваше вниманіе, есть охраненіе народныхъ обычаевъ, сильно потрясаемыхъ предложеніями редакціонной комиссіи. Это дѣло съ перваго взгляда можетъ показаться мало важнымъ, но такое возрѣніе не основательно. Народные обычаи составляютъ сущность народнаго быта, который въ свою очередь есть главная основа величія всякаго и въ особенности нашего государства. Что будетъ съ нашею

„Это есть главный конецъ всѣхъ нашихъ славнофиловъ“.

страною, что будетъ съ нами, старшими членами сельскаго населенія, если крестьяне утратятъ свою самостоятельность и будутъ только орудіями въ рукахъ чиновниковъ? Редакціонная комиссіа наноситъ тяжкіе удары самымъ существеннымъ народнымъ обычаямъ: такъ, она подкапываетъ разными мѣрами общинное земле-

„И по моему, хорошо дѣлается“.

владѣніе, покровительствуетъ выкупу усадебъ отдѣльными семействами, крайне облегчаетъ крестьянамъ выходы изъ общества, дозволяетъ крестьянамъ контраговаться безъ согласія и даже безъ вѣдома общества, потрясаетъ круговую поруку и проч. Если допустить эти коренныя измѣненія въ крестьянскомъ быту, если ослабить мірское устройство, то можно замѣнить первыя только регламентаціями, а послѣднее однимъ усиленіемъ чиновничества,—эти именно двѣ обиды и должны быть слѣдствіемъ утвержденія предположеній редакціонной комиссіи. Взгляните на начертанное ею устройство мірскихъ сходовъ, управленій, судовъ, властей и проч. и скажите: не петербургская ли это бюрократія въ маломъ видѣ? Нѣтъ, народные обычаи, одни обезпечивающіе самобытность нашего народа, мы должны беречь какъ зѣницу нашего ока, ибо на нихъ главнѣйше основано собственное наше землевладѣльческое значеніе. Это особенно будетъ ясно изъ того, что я имѣю сказать въ ниже слѣдующихъ строкахъ.

„Теперь полхожу я къ самому важному пункту—къ тому, на который главнѣйше должны быть обращены ваши заботы и усилія. Права помѣщиковъ на людей отмѣняются; не многіе изъ насъ, конечно, будутъ скорбѣть о нихъ, вскорѣ всѣ должны почувствовать, что не одни крестьяне и дворовые люди, а что и мы освобождаемся отъ крѣпостной зависимости. Иго, подъ которымъ одни держатъ другихъ, поработаетъ самыхъ поработителей; снятіе его съ нашихъ людей должно на насъ имѣть самое благое дѣйствіе.

Что онъ этимъ разумѣетъ?“

Мы возвратимъ себѣ наши человѣческія и гражданскія права во всей ихъ полнотѣ. Но вмѣстѣ съ отмѣною крѣпостного права, часть нашихъ земель имѣетъ отойти въ безповоротное пользованіе крестьянъ; это дѣло совершенно иное. Земля есть обильнѣйшій и вѣрнѣйшій источникъ богатства и власти; лишась части земли, мы лишаемся части нашего богатства и власти. За первую мы должны быть вознаграждены деньгами, которыя освободятъ насъ отъ дол-

говъ кредитныхъ установленій и дадутъ намъ возможность поставить наше хозяйство на вольнонаемный ладъ. Но чѣмъ вознаграждены мы будемъ за потерю власти? Очевидно, не инымъ чѣмъ, какъ расширеніемъ нашихъ правъ на ту землю, которая останется въ нашемъ владѣніи, и предоставленіемъ намъ возможности имѣть вліяніе на свободное, окружающее насъ народонаселеніе. Доселѣ права дворянства по владѣнію имѣніями, по выборамъ и совѣщаніямъ были крайне неопредѣленны и не вѣрны. Можно сказать, что собственно мы правъ не имѣли, а пользовались нѣкоторыми привилегіями по упомянутымъ статьямъ. Всякое право даетъ силу, привилегіи же сообщаютъ пользующимся оными призракъ силы и дѣйствительную слабость. Кто болѣе насъ чувствовалъ непреложность этой истины? Мы имѣли привилегіи и даже значительныя, а на дѣлѣ наше значеніе было ничтожно. Слывя опорю престола, мы на дѣлѣ были имъ подпираемы и, за его охраненіе нашихъ привилегій, мы платили ему не гражданскою, а иною какою-то преданностью. Мы были между престоломъ и народомъ не посредствующимъ звеномъ, а чѣмъ-то страннымъ, не внушавшимъ довѣрія и уваженія къ себѣ ни тому, ни другому. Престолъ, отрѣшенный отъ народа, стоялъ въ туманномъ уединеніи; народъ, подавленный крѣпостною зависимостью во всѣхъ видахъ, безмолвствовалъ, терпѣлъ и хирѣлъ. Всю власть, все значеніе захватила бюрократія, которая своевольствовала во имя самодержавія, угнетала народъ вездѣ и всячески и припрягала къ себѣ дворянство чинами, званіями и жалованіями. Дворянство было тѣстомъ, изъ котораго преимущественно пеклись чиновники, подкладкою, которою подбивалась мантія бюрократіи, и архивомъ, куда сдавались неудавшіеся и неспособные, разжившіеся престарѣлые чиновники. Званіе, владѣющее одною третью всего населенія и чуть чуть не половиною всѣхъ земель Европейской Россіи, наполняющее собою почти всѣ правительственныя и судебныя мѣста и пользовавшееся разными преимуществами, это привилегированное званіе не имѣло почти никакой силы, никакого значенія въ государствѣ. Какая тому причина? Очень простая, *безмочвенность дворянскаго положенія*. Сами по себѣ мы быть не могли; отъ народа отдѣляли насъ ненавистныя для него наши привилегіи, а правительство, всегда сознававшее, что въ Россіи сила въ совокупности народа, а не въ несуществующихъ сословіяхъ, покровительствовало намъ только изъ милости. Теперь это должно измѣниться; какъ право владѣть людьми отмѣняется, какъ почти половина нашихъ земель должна отъ насъ отойти, и какъ многія наши привилегіи должны рушиться сами собою, то чѣмъ же мы будемъ? Неужель мы всѣ кинемся на

Государь

поставилъ:

?

колесницу бюрократіи, захотимъ вскарабкиваться и въ ней прогуливаться по головамъ оставшагося населенія? Но такая мостовая ненадежна и слишкомъ легко перекувыркнется не намъ однимъ, а и всему государственному устройству.

Одно спасеніе для насъ, для народа и для государства есть принятіе нами благого рѣшенія присоединиться къ народу, слиться съ нимъ и стать во главѣ его. Этого требуютъ выгоды народа, нуждающагося въ предводительствѣ, выгоды собственныя наши, ибо одни мы слишкомъ много или малочисленны, а потому немочны; наконецъ, выгоды государства, самаго самодержавія, могущаго быть сильнымъ только при единствѣ его съ совокупностью народа русскаго. Но все это возможно только при условіяхъ: во 1-хъ, безобиднаго и окончательнаго разрѣшенія вопроса объ освобожденіи крестьянъ, во 2-хъ, самостоятельности народа, и въ 3-хъ, ограниченія бюрократіи и усиленія мѣстнаго самоуправленія. О первыхъ двухъ статьяяхъ я уже достаточно говорилъ въ моемъ письмѣ, здѣсь считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о мѣстномъ самоуправленіи, единственномъ исходѣ для самодержавія изъ своеволія бюрократіи, для дворянства—изъ необезпеченности его положенія и для народа—изъ угнетенія чиновничьяго, церковничьяго, помѣщичьяго, купеческаго и мѣщанскаго. Всѣ мы глубоко убѣждены, что въ обширной Русской Имперіи одно самодержавіе можетъ удерживать связь между ея различными частями, хранить въ ней порядокъ и равно благоволить ко всѣмъ состояніямъ въ государствѣ; и потому всѣ мы за самодержавіе; но по той же самой причинѣ, мы всѣ противъ бюрократіи, подкапывающей самодержавіе своимъ своеволіемъ, неуваженіемъ къ людямъ и состояніямъ, и неумѣніемъ дѣло вести просто, хорошо и быстро. Самодержавіе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ достойнѣе своего высокаго назначенія, чѣмъ оно будетъ болѣе относиться къ высшимъ дѣламъ и менѣе касаться низшихъ и среднихъ. Передача завѣдыванія послѣдними дѣлами агентамъ правительства вредна для самодержавія, ибо всѣ ихъ промахи и злоупотребленія (а ихъ было, есть и всегда будетъ море неисчерпаемое) падаютъ на его отвѣтственность и роняютъ его въ народномъ мнѣніи. Это мы знаемъ не изъ теоріи, а изъ грустнаго опыта. Для землевладельцевъ и земледѣльцевъ одно обезпеченіе противъ своеволій мѣстнаго управленія есть собственное ихъ избраніе ближайшихъ къ нимъ должностныхъ лицъ, домашній надзоръ за ними и отвѣтственность ихъ не одному отдаленному правительству, а непосредственно окружающему ихъ народонаселенію. Въ трудахъ редакціонной комиссіи мы не находимъ, къ великому нашему прискорбію, ничего для насъ успокоительнаго, въ семъ отношеніи. Тамъ всѣ

дѣла административныя, хозяйственныя и судебныя, въ окончательной инстанціи поручены лицу или мѣсту еще не существующему. Но что это будетъ за лицо или мѣсто? Въ этомъ заключается вся сущность дѣла. Намъ, депутатамъ перваго призыва, не показали ни оффиціально, ни даже частно проекта о преобразованіи уѣзднаго управленія. Слухи ходили и ходятъ самыя тревожныя. Говорятъ, что и мѣстная полиція, и уѣздное управленіе, и мировые судьи будутъ по назначенію администраціи, т. е. начальниковъ губерній. Ну что тогда дѣлать и намъ, и крестьянамъ. Крестьяне окажутся не освобожденными отъ крѣпостной зависимости, и мы въ нее попавшими. Эту бѣду, горшую изъ всѣхъ бѣдъ, необходимо устранить. Въ этомъ заключается вашъ самый неотложный и самый существенный долгъ. Не полагайтесь по этому дѣлу на слова и увѣренія бюрократіи. Она будетъ угощать васъ вѣжливостями и фразами, и потомъ сама будетъ надъ вами смѣяться и обвинять васъ въ томъ, въ чемъ одна она виновата; вамъ необходимо обратиться по сему предмету со всеподданнѣйшею просьбою и ходатайствовать о сообщеніи вамъ предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ по преобразованію уѣзднаго управленія и по учрежденію мировыхъ судей. Если правительство сочтетъ это неудобнымъ, по вашей многочисленности и безъ того вашихъ занятій, то оно приметъ инныя мѣры къ узнанію настоящихъ нуждъ и желаній Россіи. Оно можетъ отчасти достигнуть этой цѣли, призвавши въ бюрократическій свой комитетъ, по этому дѣлу, человекъ десять, двѣнадцать неслужащихъ помѣщиковъ изъ внутренности Россіи, и снявши съ своихъ предположеній ту таинственность, которою они доселѣ окутаны. Россія, само правительство, извлечетъ величайшую пользу изъ такого измѣненнаго хода дѣла, и въ убыткѣ будетъ одна бюрократія, а ея убытки—чистый барышъ какъ для правительства, такъ и для всѣхъ состояній. Предоставленіе права самоуправленія мѣстностямъ, представляемымъ не однимъ, а всѣми состояніями, въ нихъ живущими; отвѣтственность должностныхъ лицъ не предъ однимъ отдаленнымъ правительствомъ, а и предъ окружающимъ ихъ населеніемъ; и устройство суда гласнаго и изустнаго—вотъ наши кровныя нужды, безъ удовлетворенія которыхъ и самое освобожденіе крѣпостныхъ людей не принесетъ пользы ни крестьянамъ, ни государству. На этомъ стойте пуще всего, и если достигнете этого, то все остальное придетъ само собою.

„Я кончилъ, но въ заключеніе не могу не высказать еще одной мысли. Вы съѣзжаетесь въ Петербургъ въ то время, когда правительство какъ будто рѣшилось своротить съ первоначально избранной дороги, ведущей на вершину горы, и пуститься по извиистой тро-

Государь
поставилъ:
!!!

пинкъ, обманчиво обѣщающей быстро и прямо привести къ цѣли. Замѣчанія, разъясненія, намъ сдѣланныя, были только прелюдїями къ воспрещенію дворянству толковать о крестьянскомъ вопросѣ, къ отставленію г. Унковскаго отъ должности губернскаго предводителя и къ неутвержденію въ этомъ званіи ярославскихъ Васильева и Дубровина, къ усиленію строгости цензуры и проч. Конечно, всѣ эти мѣры не въ духѣ и не въ правилахъ нынѣ царствующаго императора; онѣ исторгнуты у него докучливостію бюрократіи, чувствующей, что ея послѣдній часъ приближается. Вамъ необходимо довести до свѣдѣнія государя, что дворянство одушевлено искреннимъ желаніемъ исполнить его благія намѣренія, что ни у кого нѣтъ и въ мысляхъ въ чемъ-либо ему перечить, что дворянство ему вполне вѣритъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно проситъ Его Величество вѣрить и дворянству, не дозволять, чтобы представляли его отстаивающимъ только свои привилегіи и интересы, и противящимся Его Высочайшей волѣ, и разрѣшить ему въ необходимыхъ случаяхъ обращаться съ полною откровенностью непосредственно къ Его Величеству“.

„Искренно и горячо желаю вамъ успѣха; единодушїе, умѣренность и убѣжденіе, что лишь въ общемъ благѣ заключается и собственное наше, и будутъ вашими руководителями въ великой задачѣ, вамъ предлежащей 20 января 1860 г.“.

А. Попельницкій.

